

ПО РЕКЕ ВАШКЕ

М.А. ЕНГОВАТОВА, О.А. ПАШИНА

Добраться до деревни Кеба, расположенной в верховьях русской Вашки (притока Мезени), непросто: час самолетом от Архангельска до районного центра Лешуконского, далее — пересадка на другой самолет и еще около получаса до сельсовета Олема, а там — лодкой-зырянкой вверх по реке. Есть и другая возможность: «плыть лететь» от Лешуконского на почтовой амфибии. И то, и другое проблематично, так как водитель амфибии может вас просто не взять, да и нанять лодку не так-то легко: бензин здесь — дефицит. Но уж если вам удалось преодолеть все эти трудности (как правило, благодаря умению находить общий язык с людьми), то вы будете с лихвой вознаграждены. Прежде всего впечатлениями, полученными в дороге, когда перед вами в необычной для жителя средней полосы чистоте и яркости красок предстанет строгая и удивительно одухотворенная северная природа.

Каждый из многочисленных поворотов реки таит в себе неожиданности: то глазу открывается невиданный доселе пейзаж, то вдруг на высоком берегу вырастает «оветный» (обетный) крест, то деревня с непрерывной деревянной церковью или часовней. Небольшие по числу жителей деревни производят тем не менее почти монументальное впечатление благодаря огромным как корабли двухэтажным бревенчатым домам старинной постройки, увенчанным охлупнями с резными конями. Традиционный уклад жизни ощущается сразу и во всем: начиная с похожего на чайник медного умывальника для мытья рук и кончая «штинницей могучей» (мучной похлебкой с зеленым луком), которую вам предлагают на «павжну» (ужин).

В северных деревнях поражает чрезвычайно хорошая сохранность многочисленных предметов старого быта: одежды (сарафанов — «синяков» и «пестрядинников», «лопотин» — праздничных платьев из шелковых тканей, «рипсовых» шалей, шитых золотыми и серебряными нитями повойников и т.п.), домашней утвари и орудий труда («полотух» для просеивания зерна, кос-«горбуш», жерновов, ступ, берестяных коробов, деревянных расписных прялок, жестяных коробов, привезенных когда-то с Макарьевской яр-

марки и пр.), которыми до сих пор еще пользуются, предпочитая их современным.

Легко представить, с каким энтузиазмом приступили мы к экспедиционной работе в этих местах, представших перед нами как настоящий заповедник традиционной культуры. Наш энтузиазм подогревался еще и тем, что в предыдущих поездках по Мезени мы часто слышали от местных жителей о том, что на Вашке «бабы такое», т.е. лучше знают песни и старинные обычаи.

В прошлом все села, расположенные на Вашке, входили в одну волость — Олемскую — и были объединены не только хозяйственными и семейными связями, но и очень важной для здешних мест традицией так называемых съезжих праздников, просуществовавших вплоть до Великой Отечественной войны и хорошо сохранившихся в памяти старшего поколения. Именно благодаря столь тесным контактам на Вашке сложилась единая, несколько отличная от других групп сел мезенского бассейна традиционная культура. Об одной из ее сторон, связанной с календарными обрядами, обычаями и представлениями, мы и хотим рассказать.

Принято считать, что Русский Север беден календарными обрядами по сравнению с такими территориями как, например, западнорусские. Вместе с тем экспедиции на Вашку показали, что они и здесь чрезвычайно развиты и имеют ярко выраженную специфику, обусловленную природой и особенностями местного хозяйственного уклада.

Как и на других славянских территориях, здесь в календарном цикле выделяются три периода: зимний — с того момента, когда холостая молодежь начинала собираться на «вечеренки-сутемьки» (т.е. с начала долгих зимних вечеров); весенний — со дня св. Евдокии (Авдокеи) до Иван-дня или Петрова дня, когда начинали косить; летний — с начала уборочных работ до того времени, как «поставят зароды» (традиционное название стогов сена особой местной формы).

Основная зимняя обрядность приурочена к периоду святок. Под Рождество здесь, как и везде у восточных славян, ходили колядовать — дети, девушки и парни отдельно. Это называлось «славить Христа» или «выпевать деньги». Каждая группа имела свой репертуар: дети пели коротенькие колядки.

девушки — рождественский тропарь «Христос рождается, славится» и колядки (если кто попросит), парни ходили со звездой и пели «Рождество твое Христе Боже наш». За это они получали подарки: девушкам давали пироги и шаньги (разновидность ватрушек, выпекавшихся из ржаной муки с начинкой из различных каш и ягод), детям — «козульки» (обрядовое печенье в форме либо фигурок домашних животных, либо орнаментально свернутых колбасок из теста). После колядования в складчину устраивалось рождественское гулянье — «вечеренька», на которой девушки пели ребятам и мужчинам за вознаграждение «виноградья» — холостое и женатое. Примечательно, что в данной местности в отличие от других северных традиций при колядовании «виноградья» не исполнялись.

Кульминационной точкой святок было «Васильевское игрище» — праздничная вечеринка холостой молодежи в канун старого Нового года (в Васильев вечер). На этом игрище «опевались» или «жонили парней»:

Что со вечера Васильевского,
Со полуночи Рождественского
Тут сидели красны девицы,
Они пололи злачены перстни.
Кому выпадает злачен перстень —
Та и девица за тем женихом,
Свет Афимья Васильевна
За Иваном Егоровичем.

Под эту песню парень выдергивал девушку, которую ему припели, к порогу избы. Девушка кланялась юноше, и они садились рядом. С этого момента молодые люди считались «припетыми» друг к другу. Срок, на который их припевали, определялся по-разному: в одних селах — до Крещенья, в других — до следующего Нового года. В течение всего срока парень должен был проявлять к девушке внимание: приглашать танцевать на «игрищах», провожать домой и т.п.

В продолжение святок молодежь на Вашке ходила «наряжёными»: в вывороченных шубах, незатейливых масках. Водили ряженого медведем, гусем (в вывороченной шубе, из которой торчит голова «гуся» на длинной палке). Парни «кудесили», т.е. совершали ритуальные бесчинства, — рассыпали «костры» дров, затыкали трубы домов елками,

* Экспедиции ГМПИ им. Гнесиных, участниками которых мы являлись, проходили на Вашке в 1985–1992 гг. Запись проводилась во всех населенных пунктах, начиная с Кебы — последнего русского села в верховьях (далее начинаются коми-угорские села) и кончая самым нижним селом — Едомой, находящимся прямо напротив Лешуконского, старое название которого Усть-Вашка.

забрасывали ведра на журавли колодцев, а также посыпали пеплом дорожки от дома парня к дому девушки, за которой он ухаживал. Ну и, конечно же, время святок — время гаданий. Способы гаданий многообразны: можно было “завечаться”, “смотреться”, “чертиться”. Так, “чертились” всегда на перекрестке дорог: девушки садились на корточки и ножом проводили вокруг себя кату по снегу со словами:

Черти, ходите, мутите,
К нам в круг не заходите! —

после чего слушали: откуда донесутся звуки — туда замуж выйдешь. Многие гадания связаны со снами: девушки пекли маленькие сильно соленные колобки, ели их перед сном и приговаривали:

Солоно ела, пить захотела,
Суженый, приди, мне пить принеси!

Самым страшным гаданием считалось “смотреться в хомут”, что требовало определенных приготовлений: следовало открыть дверь, печную трубу, отвязать пояс, распустить волосы. Одна из участниц гадания садилась на порог, другая — к печному столбу, третья — в святой угол, а четвертая с хомутом на шее сидела за столом и глядела в зеркало, в котором должен был появиться образ суженого.

Второй большой зимний праздник — масленица. В это время катались с гор на санках и ледянках, на конях вокруг деревни, пели на “горке” (высоком берегу реки) лирические песни. Кроме этих, широко известных на всей русской территории действий, здесь совершались и другие: на масленицу устраивали “братчину-складню” — варили “канун” (пиво), которым обносили всех в ковше-братчине. То же самое делали и во время “оветных праздников”, которые обычно отмечались в память о прошлых крупных пожарах, массовом падеже скота и других несчастьях, чтобы в будущем они не повторялись.

Начало весны связывалось с днем св. Евдокии (14 марта). Существовали приметы, относящиеся к этой дате: “Авдокея — пороша, к Егорию дожджа”, “На Авдокею куры напьются — на Миколу корова наестся”. Вместе с тем о действительном наступлении весны судили по природным явлениям, чаще всего по началу ледохода. Чтобы ускорить приход тепла, если лед плохо шел, носили воду в реку из колодцев.

Очень важным весенним праздником, как и везде, считалось Благовещение. Здесь это своеобразный девичий праздник, поскольку на Благовещение девушки “чествовались”: устраивали совместную трапезу с неизменными кулебяками, играли в разные игры. С Благовещения до Пасхи девушки скакали на досках: перед домами клали широкую длинную доску на опрокинутый чурбан, две девушки вставали по краям доски и по очереди прыгали на ней. При этом одну из них сильно подбрасывало вверх (“Раньше до окон прыгали!” — т.е. до второго этажа), и она махала руками, изображая, как можно предположить, полет птицы. На Пасху скакать на досках уже запрещалось — “Христа затопчешь”.

На Вербное воскресенье святили вербу в церкви и хлестали ею друг друга:

Верба секи, не я секу,
Вербщик на ящик,
От вербы на здоровье.

Много представлений связано на Вашке и с Чистым четвергом, который бывает на Страстной неделе. В этот день до восхода

солнца необходимо считать деньги, мерять хлеб, “ворочать лопоть” (перебирать одежду), чтобы во всем этом была прибыль. Кроме того, в Чистый четверг запрещалось давать что-либо в долг из дома, иначе “уйдет молоко от коровы”. Овец полагалось кормить хлебом с углем, чтобы шерсть была черная. Отдельные предметы в Страстной четверг приобретали, по мнению местных жителей, особые свойства: так, если домом, которым “пашут” печь, “почапать” детей, то они будут лучше спать; солью, поставленной на божницу, впоследствии можно лечить скотину; испеченные в этот день “коровашки”, которые давали скотине, когда первый раз гнали в поле, охраняли ее от лесных зверей и т.п.

Пышно праздновали в этих местах Пасху. Повсеместно ставили качели (местное название — “катило”) — на горке, на поветях (хозяйственная часть дома), детям — в избе. На “катило” колыхались до тех пор, “пока не засекутся”, поскольку с этого момента “нельзя землю топтать”.

Особые действия совершались и в выбираемый обычно по погоде день первого выгона скота. При выгоне скотины из хлева хозяйка клала на порог коромысло и свой пояс, приговаривая:

Один конец на воле, другой — в доме,
Часу, не часуйте, ночи не ночуйте,
Дом почитайте, хозяйку знаете!

Пограничным праздником между весной и летом считался Иван-день, о котором говорили: “Иванские дожди лучше золотой горы”. Накануне Иванова дня ходили в поле и с “росяночек сливали воду в бутылочки”. Это связано с представлениями о том, что такая вода лучше всякого лекарства. На “Ивань-день” обязательно топили баню, мылись в ней и гадали на свежезаготовленных венниках. Украшенный цветами веник бросали в реку и плыли за ним, догоняешь — будешь жить, не догоняешь — умрешь. У реки жгли костры и прыгали через них. Так же, как и в святки, на Иван-день девушки “завечались”: сидели рожи и слушали, откуда донесется звук; завязывали глаза коню или козе, смотрели, куда пойдет — туда замуж выйдешь.

Летняя обрядность связана с хозяйственными и полевыми работами и тесно переплетается с семейной. Так, определенные ритуалы совершались, когда всей деревней “гордили осека” (загораживали от скота “пожни” — сенокосные луга). Парни при этом купали девушек в реке, бабы “налаживали девкам повойники”, т.е. надевали им женские головные уборы, чтобы быстрее замуж пошли. Здесь же чествовали молодых (первый год состоящих в браке) — “трясли шапки”; у молодого мужа отнимали шапку, поднимали ее высоко на палку и трясли. Шапку не отдавали до тех пор, пока жена не поцелует мужа.

Косьба занимала особое место в жизни северян. Скота держали много, поскольку пойма Вашки богата заливыми лугами. Косят здесь до настоящего времени старинной разновидностью косы — “горбушей”, представляющей собой нечто среднее между косой и серпом. Косьба обставлялась как некий ритуал. Специально для нее женщины шили особые рубахи с красными рукавами. Когда на лугу появлялась молодка, выходящая косить первый раз со своими новыми родственниками, делали “залозь” и устраивали “нависню”: кто-нибудь из мужчин залезал на ель и обтесывал ее так, чтобы верхушка была похожа на человека — с

головой и расставленными руками. При этом молодка произносила:

Ешь нависню, делай залозь
На горку, на пригорку,
На прекрасное место.
Чтобы не мыло ее, не рыло,
Частым дождичком поливало,
Красным солнышком пригрело.

После чего она раздавала всем присутствующим специально испеченные для этого пироги. До сих пор по обоим берегам Вашки можно увидеть эти “залозы” — обтесанные ели.

Другая часть летних обрядов связана с жатвой, в которой особыми действиями отмечались начало и конец. Так, приступая к жатве, произносили ритуальный приговор:

Кышь, поле, на конек,
Как татарский херебец!

Первый сноп здесь именовался “елохой”. Жница, сжавшая его первой, “пихала” им остальных женщин под зад. Это называлось “елошиться”. Чтобы не болела спина во время жатвы, первой горской колосков гладили спину или “купышались” (кувыркались по земле), услышав первый гром.

Когда кончали жать — “имали (ловили) зайку”: женщины окружали небольшой оставшийся необрунным “остров” хлеба и начинали жать его к центру, говоря: “Имай-те зайку-то, он де ли в острову!” Женщина, которая “захватывала” последний сноп, падала на него и кричала: “Мой зайка-то, мой!” Остальные наваливались на нее, как бы помогая ей удержать “зайку” и образуя при этом “кучу малу”. Мы наблюдали этот обряд в живом исполнении летом 1992 г. в деревне Едома и были поражены атмосферой искреннего, неподдельного веселья, царившей на поле. “Зайку имали” обычно, когда убирали рожь. В конце жатвы ячменя делали “бороду”: “Повыше выжнешь, перевяжешь, наверх земли насыпнешь (как в вазочку), посеешь сюда зернышки. Конец боле — борода!” А тому, у кого оставалось недожатое поле, ставили “килу” — втыкали в землю палку: “Топи поле и парь килу!” (килой здесь называют также грыжу).

После окончания уборки урожая нужно было залезть на изгородь и громко крикнуть на восток:

Рано не вставали,
Поздно не жинали,
Выжали, выжали!

Или:

Тебе, поле, красота, мне — маята,
Отдай мою силушку назад!

Как и во время сенокоса, особые обряды в период жатвы совершались в тех семьях, где была молодка. На “дожиг” приглашались все родственники, которых угощали “филой” — специальным кушаньем в виде сдобных колобов, измельченных в растопленном масле.

В заключение остановимся на традиции “съезжих праздников”, которые в значительной степени обусловили единство традиционной культуры жителей Вашки. “Съезжие праздники” (они известны не только на Мезени, но и в других северных регионах, особенно в бассейнах крупных рек Пинеги, Северной Двины, Печоры и др.) представляли специфический феномен в культуре Русского Севера. Если на большей территории России деревни объединялись в один приход вокруг села, где находилась церковь, то на Севере села, как правило, расположены далеко друг от друга, и в

каждом из них существовала своя церковь или в крайнем случае часовня, с которой связывались престольные праздники. На Вашке во всех деревнях было по два престольных праздника: один – осенне-зимний, другой – весенне-летний (часто в качестве святых, кому посвящалась церковь, выбирались такие, чьи имена в церковном календаре повторялись: св. Николай: св. Егорий и др.). Внутри одной волости престольные праздники были разведены в году, они не повторялись ни в одном селе. На праздник в ту или иную деревню съезжались жители всей волости на три дня, останавливаясь в домах родственников. Летом сплавлялись на плотах и лодках, зимой приезжали на лошадях. Девушки и молодки привозили с собой по несколько перемен праздничной одежды. Более пышно обставлялись летние “съезжие праздники”, что объясняется природными условиями: длинные летние дни с белыми ночами позволяют долго гулять на воздухе.

Каждый день состоял из трех гуляний: до обеда, после обеда и после “павжны” (ужина). При этом девушки и молодки меняли костюмы. Гулянье начиналось после утреннего посещения церкви ритуализованными хороводами, представляющими собой своеобразную ярмарку невест. Именно во время этих хороводов родители приглаждали будущих жен своим сыновьям.

Открывалось гулянье хождением “в расхожу”, т.е. хороводом-шествием по деревне (по “мостам” – деревянным тротуарам). Девушки и молодки собирались в одно место, вставали рядами друг против друга, и молодки поклоном приглашали девушек в пару. Затем они шеренгами с пением лирических песен гуляли по селу. Кульминационной точкой в ярмарке невест было хождение их “в кругу”: круг образовывали все жители и гости деревни, а внутри него изогнутой дугой под звуки специальных хороводных песен ходили девушки, взявшись за руки. При этом зрители “передергивали” их, т.е. выстраивали по достоинству. Главными критериями в оценке невесты были: богатство ее костюма, умение петь песни и вести себя в хороводе.

Затем гулянье принимало более общий характер: “водили круги” (ходили кругом), в которых могли принимать участие все желающие, кроме самых пожилых. Темп все убыстрялся. Медленные круговые хороводы сменялись более быстрыми игровыми и фигурными. Каждый из них имел местное название: “бегать о платах”, “ходить с перехажиными”, “ходить кривульками”, “ходить утушкой” и т.п. Завершалось гулянье общей пляской с использованием различных фигур кадрили под песни или под гармошку. “Съезжие праздники” были по существу одной из главных форм культурного общения на Русском Севере.

Все то, о чем мы рассказали, удалось зафиксировать только благодаря бескорыстии и отзывчивости наших певцов, которые, несмотря на свою занятость, не жалея сил и времени, часами повествовали нам про старую жизнь и пели старинные песни. У них мы находили приют и в нашей кочевой жизни.

Провожали нас как родных, навязав в узелки пирогов и шанег, подолгу стояли на берегу реки и махали руками вслед отъезжающей лодке. А вот в последней деревне мы жили в огромном нежилом доме, который с трудом смогли натопить (при этом чуть не угорели). И таких домов на Вашке становится все больше и больше...

Помните?

Велели выкопать сохой
Могилу короли,
Чтоб славный Джон, боец лихой,
Не вышел из земли.
Травой покрылся горный склон,
В ручьях воды полно,

А из земли выходит Джон
Ячменное Зерно.

Его свалил горбатый нож,
Одним ударом с ног,
И, как бродягу на правож,
Везут его на ток.

Ну, конечно же, это знакомое с детства стихотворение Роберта Бернса “Джон Ячменное Зерно” в превосходном переводе С.Я.Маршака. Каждый легко обнаружит в публикуемых русских песнях о хмеле как параллели к этим строчкам, так и фабульную общность самих произведений – наглядная иллюстрация международного характера данного сюжета. В его основе лежит древнейший мифологический мотив “умирающего и воскресающего божества”, известный земледельческим культурам Средиземноморья начиная с Древнего Египта.

Мы не будем останавливаться на его воплощениях, чрезвычайно многообразных в обрядовых, фольклорных и литературных традициях, отметим лишь, что в представленных текстах есть еще один мотив, распространенный в устной словесности народов мира, – мотив “силы хмеля”, который часто бывает представлен и совершенно самостоятельно от предыдущего. Согласно фольклорным побасенкам и анекдотам, пьянящий напиток заставлял калек (слепого, безногого, безрукого) забыть о своих увечьях: слепой обнаруживает способность видеть, безногий – бежать, безрукий – драться. В шотландской балладе Джон Ячменное Зерно вселяет отвагу в людские сердца, гонит заботы, веселит сердце вдовы. В монгольском предании Чингисхан (которому и приписывается изобретение хмельного напитка), будучи пьян, принимает красный опорный столб в юрте за свою жену, обнимает и целует его. В русских песнях своего мучителя (“мужичину”, “мужика”) хмель ударяет “в тын головой”, сажает “в грязь и навоз бородой”. Здесь оба мотива, связанных с темой хмеля, соединены весьма органично, причем без дидактического налета, часто присущего народным повествованиям на данную тему.

С.Ю. НЕКЛЮДОВ

ХМЕЛЬ – ВСЕМУ ГОЛОВА

ПЕСНЯ О ХМЕЛЕ И ТРАДИЦИИ
ПИВНЫХ ПРАЗДНИКОВ

Т.А. НОВИЧКОВА

Мед, пиво и квас относятся к древнейшим русским напиткам. Квас был широко распространен в быту: в X в. им пользовались в банях как водой. В отличие от будничного кваса мед и пиво – “олуй” – употребляли по праздникам и в дни поминовения усопших. Великая княгиня Ольга приказала древлянам наварить медов для тризны, устроенной ею на могиле мужа (“Повесть временных лет”, под 945 годом). В XIX в. пиво варили к свадьбе, поминкам, крупным календарным праздникам: Николе вешнему (9 мая), к “Казанской” (22 октября, праздник Казанской иконы Пресвятой Богородицы, установленный по случаю избавления Москвы от Литвы в 1612 г.), к Петрову дню (29 июня), к Успению (15 августа, Успение Пресвятой Богородицы), в канун Нового года (в Васильев вечер), к масленице и Пасхе.

В честь освящения храма на погосте варили общественное пиво, им угощали всех, пришедших после окончания службы. Здесь же заранее готовили общественную похлебку. В Череповецком уезде Новгородской губернии к такому дню пиво варила для продажи церковь¹. В Шенкурском уезде Архангельской губернии крестьяне варили пиво ко всем храмовым праздникам, длившимся четыре-пять дней. Еду со столов не убирала, все ходили друг к другу в гости, на пирах исполняли былины, баллады, исторические песни².

Пиво варили к так называемым заветным праздникам, установленным по поводу некогда происшедших бедствий: эпидемий, падежа скота, голода, неурожаев и пожаров. Заветные праздники, близкие по значению к поминальным дням, называли также пивными, о каждом из них сохранялось местное предание – в связи с какими событиями он возник. Новгородцы начинали торжества с разжигания живого огня